



ДОЧЬ

МИХАИЛ
ЛАДЫГИН

БАМПИРА

Михаил Ладыгин

Дочь вампира

«Издательские решения»

Ладыгин М.

Дочь вампира / М. Ладыгин — «Издательские решения»,

Когда отец Никодим попросился в неблагополучный приход, он не знал, на что обрекает свою семью. Деревня Болотово только называется умирающей, на самом деле в ней уже нет ни одного живого жителя. Узнав от батюшки о произошедшей трагедии, его бывший одноклассник, профессиональный маг Алексей Кутасов решает разобраться с нечистью. Но как найти место упокоения вампиров и можно ли доверять девушке Насте, ниточка от которой тянется к самому графу Дракуле?

© Ладыгин М.

© Издательские решения

Содержание

Глава I. Неожиданная встреча	6
Глава II. О чём поведал отец Никодим	8
Глава III. Решение	13
Глава IV. Команда	15
Глава V. Рекогносцировка	17
Глава VI. Первый посетитель	21
Глава VII. Храм	23
Глава VIII. Приятное знакомство	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дочь вампира

Михаил Ладыгин

© Михаил Ладыгин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Неожиданная встреча

«Человеку всегда хочется того, чего у него нет», – эта банальная сентенция оформилась у меня в голове в тот самый момент, когда я вдруг осознал, что хочу выпить коньяку.

Я ехал домой и размышлял о том, чем в первую очередь следует заняться после довольно напряжённого дня. Шёл одиннадцатый час ночи, и все магазины были уже, конечно, закрыты. Дома в баре у меня стояли водка, спирт, виски, ямайский ром и несколько сортов вин, но вот коньяка там не было, это я знал точно.

Несколько секунд я находился в «пограничной ситуации», совершая вполне свободный выбор: подавить ли порочное желание, чтобы не отклоняться от маршрута, или же дать волю внезапно пробудившейся потребности и отправиться на поиски вожаденного напитка. Вспомнив, что жизнь коротка, а радостей в ней достаточно мало, я перестроился в правый ряд и, круто вывернув руль автомашины, свернул в переулок. Услужливая память подсказала мне, что в нескольких кварталах от того места, где я находился, располагается ночной магазин.

Жребий был брошен, и сердце моё сразу же успокоилось. Довольно быстро я достиг цели и, припарковав машину рядом с автомобилем какого-то запасливого таксиста, направился в торговый зал. Разглядывая удручающе пустую витрину, где, впрочем, красовалась бутылка, этикетка которой указывала на содержащийся в ней «Наполеон», чему я не очень верил, я вновь ощутил какое-то странное беспокойство. Расплачиваясь за напиток, я одновременно размышлял, что же за напасть опять выбила меня из привычной колеи.

Внимательно осмотрев магазин, я не заметил ничего примечательного. Покачав головой и направившись к выходу, я внезапно понял, что причиной беспокойства стал пьяный бородачатый старик, сидевший на ступеньках у дверей магазина. Торопясь к прилавку, я лишь мельком взглянул на него, а вот теперь ощутил, что мучительно вспоминаю, где я мог его раньше видеть?

Я быстро распахнул дверь. Бородач сидел на том же самом месте, тупо глядя на мой автомобиль. Присмотревшись повнимательнее, я с изумлением узнал в нём Нику Соколова, точнее, отца Никодима, ибо мой однокашник давно уже закончил семинарию и был рукоположен в сан. Тем непостижимее было его теперешнее состояние! Ещё будучи просто Никой Соколовым, он поражал всех твёрдостью характера и неприятием любых разновидностей порока, а уж после рукоположения...

Всё это, безусловно, требовало разъяснений. Я решительно направился к бывшему приятелю.

– Негоже, отче, срамить сан, – насмешливо бросил я.

– Изыди, – нехотя бросил он, не поднимая глаз.

– Негоже бесей тешить, – наставительно изрёк я. – Опомнись, отец Никодим, ты же не у себя дома, а почти в центре Первопрестольной.

Услышав своё имя, он тяжело поднял голову, уставившись на меня. Постепенно в его глазах появилось осмысленное выражение. Слабое подобие улыбки промелькнуло на опухшем лице, и он хрипло спросил:

– Алёшка? Выпить есть?

– Есть, есть... Вот только не хватит ли тебе, отче?..

– Горе у меня, – пробурчал он, и в глазах его прорвалась такая тоска, что у меня пропала всякая охота насмешничать.

– Поехали! – решил я, помогая ему подняться.

Не без труда запихнув ошалевшего батюшку в лимузин, я включил зажигание, а потом, бодро развернувшись, покатил домой.

– Куда ты меня везёшь? – вдруг засуетился мой пассажир.

– К себе!

– А мне говорили, что ты живёшь за городом! – беспокойно настаивал пьяный поп. В голосе его звучала тревога. Он явно чего-то боялся.

– Вообще-то прописка у меня в Москве, – объяснил я, – но живу почти всё время на даче, за городом. Однако сегодня я как раз еду на квартиру.

– Ну и ладно!

Он успокоился и задремал. Несколько минут мы ехали спокойно. В это время я следил за дорогой, почти перестав поглядывать на спутника. Это едва не стоило нам жизни. Отец Никодим вдруг истошно взревел и вцепился в руль. С огромным трудом мне удалось вывернуть из-под колес встречного МАЗа. Я уже открыл рот, чтобы рассказать алкоголику всё, что я о нём думаю, но ужас, написанный на его лице, заставил меня сдержаться. На всякий случай сбросив скорость, я теперь всю дорогу искоса приглядывал за своим пассажиром. К счастью, улицы в это время суток оказались почти пустыми, а ехать оставалось совсем немного.

Дома я сначала запихнул попа в ванну, а пока он плескался там, приготовил ужин. Душ благотворно подействовал на отца Никодима. Его по-прежнему пошатывало, но глаза смотрели вполне осмысленно.

– Может, кофе сварить? – поинтересовался я.

– Нет, – решительно возразил он. – Доставай водку.

– Тебе виднее, – пожал я плечами, предоставив ему *desipere in loco*¹.

А потом мы пили. Я – мало и только коньяк, он – много и исключительно водку. Чем больше он пил, тем спокойнее становился. Мне даже показалось, что он трезвеет от выпитого. Но нет! Он накачивал себя до того состояния невменяемости, когда мучившие его боль и ужас притуплялись, а он впадал в полубессознательный транс.

Около трёх часов ночи его вдруг прорвало. Тогда-то он и поведал мне свою историю. Совершенно невозможно передать интонацию и особенность выражений отца Никодима. К тому же рассказанное им содержало в себе столько неправдоподобного, что в трезвом состоянии он вряд ли решился бы рассказать это кому-нибудь. Суть его исповеди сводилась к следующему. *Relata refero*².

¹ Безумствовать там, где это уместно (лат.)

² Передаю то, что слышал (лат.)

Глава II. О чём поведал отец Никодим

Никодим Соколов с раннего детства обратился к Богу и вполне сознательно избрал для себя стезю священнослужителя. Окончив семинарию в Сергиевом Посаде, он получил небольшой приход где-то под Вологдой. Ещё во время обучения он обратил внимание на одну из прихожанок и вскоре обзавёлся любящей женой, которая через положенный срок подарила ему сына. Несколько лет всё шло превосходно, но душа его жаждала подвига, а в его приходе жизнь текла удивительно благостно.

Однажды, находясь по церковным делам у местного владыки, отец Никодим узнал о том, что в одном отдалённом приходе попы мрут, как мухи. Не успеет назначенный на это место священник разобраться и обжиться в доме, как его уже несут на погост. Владыко сознался, что весьма обескуражен такой неприятной закономерностью и вот уже в течение года не решался кого-либо направить в этот приход.

– Пошлите меня, владыко, – немедленно вызвался отец Никодим.

Архипастырю понравился порыв молодого священника, но он тем не менее принялся отговаривать моего однокашника: и приход-де там очень маленький, и дороги плохие, и от районного центра далече...

Отец Никодим продолжал настаивать. Тогда владыко нехотя сообщил ему, что странный мор косит не только священников, но и их семьи. Поэтому он порешил направить туда вдового попа. На этом разговор закончился.

Прошло ещё несколько лет. И вот как-то владыко сам наведалься к отцу Никодиму. Он сообщил ему что ещё два попа умерли, приняв гибельный приход, храм которого уже три года, как лишён настоятеля. Мой однокашник с прежним рвением выразил готовность отбыть на новое место. После этого владыко сам поговорил с женой отца Никодима, проявившей полную солидарность с мужем, после чего со вздохом согласился перевести жаждущего духовного подвига в опасный приход.

Дело было в конце лета. Осенью перебраться в отдалённое село было трудно, короче, лишь к Рождеству семья отца Никодима добралась до места.

Приход и в самом деле оказался очень маленьким. В селе жило всего несколько семей, преимущественно стариков, да ещё местный милиционер. Это была, как тогда говорили, «умирающая деревня». Располагалась она в глуши среди мрачных лесов и топких болот. Но в селе стояла действующая церковь, а значит, в ней следовало служить.

Отец Никодим рьяно взялся за дело. Он купил корову, коз, развёл кур и кроликов, засадил весной делянку картошкой, намереваясь утвердиться в Болотове надолго, однако прекрасно понимая, что такой бедный приход вряд ли прокормит его семейство. Жена и сын мужественно помогли ему. Правда, поскольку в селе не имелось школы, сына вскоре пришлось отправить в интернат, но и это не вызвало ни одного упрёка у верной попады.

Отец Никодим был не только истово верующим, но и достаточно умным человеком. Его не могла оставить равнодушным судьба предшественников. Обратившись с расспросами к своим прихожанам, он выяснил весьма немногое. Трёх священников, как ему сообщили, растерзали волки, которых в местных лесах водилось великое множество, остальные же умерли от странной болезни. Они вдруг начинали слабеть, теряли аппетит, а затем ложились в постель, чтобы никогда больше не подниматься. «Климат здесь нездоровый», – пояснил священнику местный фельдшер. Подумал и добавил: «Кругом болота».

Отец Никодим задумался. Было в Болотове что-то странное, чего он не умел объяснить. С одной стороны, умирали здесь не только священники. Странная лихорадка косила как местных жителей, так и приезжих.

С другой стороны, жители Болотова вели себя непонятно.

«Вначале мне показалось, что я попал к старообрядцам или в секту какую», – объяснил мне отец Никодим. – Внешне все казались приветливыми, церковь посещали исправно, на вопросы отвечали охотно, но чувствовалась какая-то пропасть между жителями Болотова и всем остальным миром».

«Вот, например, волки, – рассказывал отец Никодим. – Селяне меня предупреждают: в лес не ходи, заедят, ночью корову запирай – не то задерут, собаку не заводь – сожрут. Но сами-то в лес не только без ружья, без палки ходят. Словно бы они от этих волков заговорённые».

«А может, не было никаких волков?» – предположил я.

Отец Никодим криво усмехнулся: «Были, Алёшка, были! Не приведи Бог ещё раз такую страсть увидеть! Зимой окружают дом и воют, в окна заглядывают, в сарай к скотине рвутся... По ночам, конечно. Днём нет их, а как за полночь – беда!»

Стремясь докопаться до истины, отец Никодим принялся расспрашивать местного милиционера, поскольку тот сам жил в Болотове, хотя уезжал часто, подчас надолго. Но и тут толком он ничего не вызнал.

Только однажды приехала в Болотово новая жительница, старушка, унаследовавшая хозяйство умершей сестры. Пожила она в селе совсем недолго, а потом захворала той самой странной лихорадкой.

Отец Никодим, узнав о болезни новой прихожанки, быстро направился навестить скорбящую. Местные жители, когда болели, обычно на порог его не пускали, а чаще всего просто скрывали свою немочь. Нередко священник узнавал о болезни лишь тогда, когда следовало отпевать нового покойника.

Поскольку Елизавета Матвеевна (так звали старушку) в Болотове оказалась человеком приезжим, отец Никодим решил попытать счастья. Больная охотно приняла священника. Он сразу же заметил, что его новая прихожанка смертельно напугана. Елизавета Матвеевна попросила своего гостя занавесить все окна, а потом подойти к большому зеркалу, вставленному в старинный гардероб. Удивившись, но не показав виду, мой однокашник выполнил причуды больной. Даже после этого Елизавета Матвеевна смотрела на него с подозрением.

Полагая, что это тоже проявление странной лихорадки, отец Никодим исподволь стал выяснять симптомы болезни. Елизавета Матвеевна сперва отнекивалась, а потом вдруг изрекла:

– Не болезнь это вовсе! Какой же ты поп, если ничего не понимаешь? Или сам такой же?

– Какой? – осторожно спросил священник.

– Упырь!

Отец Никодим опешил. И тут Елизавета Матвеевна начала умолять его, чтобы он вбил ей в сердце осиновый кол сразу же после её смерти, которая наступит, по мнению старушки, очень скоро.

Тщетно пытался мой однокашник успокоить бедную женщину. Она настойчиво требовала выполнить её просьбу. По её словам, впервые о живущих в Болотове вампирах она узнала от своей сестры, просившей забрать её из села в город. Но Елизавета Матвеевна в то время сама жила в маленькой комнатке в древнем домишке без всяких удобств, поэтому отказала сестре, сочтя рассказ о вампирах просто попыткой разжалобить.

Сама же Елизавета Матвеевна сказала, что готова перебраться в село, чтобы помогать сестре вести хозяйство. При таком предложении Дарья Матвеевна лишь перекрестилась, а потом с ужасом сказала: «У нас и церковь-то пустая стоит. Болотово – проклятое место». После этого разговора сёстры долго не встречались, а потом пришло известие о смерти Дарьи Матвеевны. Тут же Елизавета Матвеевна твёрдо решила переехать в Болотово.

«На свою погибель, – грустно сказала она. – Это мне наказание за то, что Дашу я не уважила. Как-нибудь уместились бы в моей конуре. Собаки-то и на меньшей площади живут».

Поселившись в доме сестры, Елизавета Матвеевна привела в порядок могилку Дарьи, заказала молебен за упокой её души (это отец Никодим очень хорошо знал, поскольку сам же и отпевал Дарью Матвеевну, и служил заупокойный молебен). Однако вскоре начала старушка чувствовать недомогание. Тут-то вспомнила она жалобы своей сестры.

– Намедни ночью проснулась, а она рядом стоит.

– Кто стоит? – переспросил отец Никодим, впервые за время разговора почувствовав холодок страха.

– Дашенька, – отвечала Елизавета Матвеевна. – Стоит, ну совсем как живая, только глаза чужие, а изо рта клык ползёт. Я закричала, а она мне и говорит: «Не кричи, скоро сама такой станешь!» Покачала головой и вышла. Я и дверь после этого запираю, и святой водой дом кропила, а она всё равно каждую ночь приходит».

Говоря так, Елизавета Матвеевна с трудом разматывала шарф, а когда размотала, отец Никодим увидел на шее отчётливый след укуса с запёкшейся по краям кровью.

– Не хочу я упырем становиться. Сделай милость, вбей мне кол осиновый в сердце, похорони по-христиански, а потом побыстрее уезжай отсюда. Не будет тебе здесь житья, особенно если просьбу мою уважишь. Они всё сразу поймут и займутся тобой, батюшка.

– Да кто же они? – настаивал отец Никодим.

– Упыри! – настойчиво твердила старуха. – Здесь в Болотове ни одного живого человека нет. Одни волколаки да упыри.

– Опомнись, Елизавета Матвеевна, – возмутился отец Никодим, – они же в церковь ходят.

– Ходят-то ходят, – согласилась старушка. – Днём они даже в церковь могут. Мне этого не понять. Только ты посмотри на них в зеркало. Хоть на фельдшера нашего погляди...

– А что зеркало? – не понял отец Никодим.

– Нету там его отражения. Фельдшер рядом со мной на стуле сидит, по горнице ходит, а отражения в зеркале нет... Сам посмотри, проверь, батюшка! Я пока из ума не выжила.

Странный болезненный бред старухи при всей его дикости выглядел удивительно последовательным, отчего зародил в священнике некоторое «томление мысли». Он стал приглядываться к жителям деревни, обнаружив при этом немало удивительного. Во всех домах Болотова начисто отсутствовали зеркала. Никто из жителей не носил крестов, даже те, кто регулярно заходил в церковь. Это открытие прямо-таки потрясло отца Никодима. Но он просто впал в бешенство, когда на очередной службе, приглядевшись к прихожанам, увидел, что крест они кладут не по-христиански, а прислушавшись, понял – они и молитвы читают наоборот.

На всякий случай священник занялся обороной собственного жилья. Он выцарапал стеклорезом кресты на оконных стёклах, воткнул в косяки булавки и переложил рамы цветами шиповника (во всей деревне ему не удалось обнаружить ни одной головки чеснока).

Пока мой бывший однокашник принимал защитные меры и вёл свои наблюдения, мучительно размышляя об увиденном, Елизавета Матвеевна скончалась. Тут перед священником встала весьма нелёгкая проблема. Он хорошо запомнил просьбу старушки, но мысль о вбивании в сердце умершей осинового кола приводила его в ужас. Не в силах побороть обуревавшие его сомнения, отец Никодим решил на опасный эксперимент. При этом он дал себе слово, что если сказанное Елизаветой Матвеевной окажется выдумкой, он отправится к епископу и попросит о церковном наказании за свои сомнения.

Итак, он поставил гроб с усопшей в церковь, а ночью отправился читать над ней молитвы. Хотя первая ночь прошла спокойно, утро не принесло несчастному попу облегчения. По его собственным словам, когда прокричал петух, и он заглянул в гроб, на него глянула «сатанинская харя, источавшая глумление». Отец Никодим закрыл гроб крышкой, положил на неё серебряный крест, после чего в смятении духа отправился домой.

Здесь его ожидало ещё одно потрясение. Матушка-попадья не встала с постели, а её бледное лицо, также как следы укуса на шее, недвусмысленно свидетельствовало о том, что страшная зараза, доселе обходившая стороной поповский дом, наконец-то переступила и его порог.

Весь день он пребывал в хлопотах, а в полночь, увидев, что жена спокойно уснула, решил заглянуть в церковь. Зайдя в храм, он содрогнулся, услышав нечеловеческий вой, доносившийся из-под крышки гроба. Вооружившись распятием да склянкой святой воды, он подошёл к гробу и приподнял лежащий на нём крест. Крышка тут же отлетела в сторону, а на него двинулся разъярённый упырь с торчащими из открытой пасти клыками.

К счастью, священник уже подготовился к такому обороту событий. Плеснув на вампира святой водой, он оборонился распятием и принялся читать «Отче наш»... На мгновение упырь рухнул обратно в гроб. Этого мгновения отцу Никодиму хватило, чтобы вновь задвинуть крышку и возложить на неё серебряный крест. Затем он выбежал из храма, чтобы не слышать душераздирающих воплей вурдалака.

На крыльце своего дома он увидел здорового волка, который сразу же метнулся в кусты. Сердце священника оборвалось: верная подруга его лежала мёртвая. Но он не утратил ни веры, ни отличавшего его сурового мужества. Смахнув скупые слёзы, он приступил к делу.

Приготовил жену в последний путь, а затем пошёл в храм, где вбил осиновый кол в сердце Елизаветы Матвеевны, не забыв при этом отрубить ей голову. Он сам вырыл могилу для старушки, укрепив её, по его понятиям, от «вражьей силы». После этого он занялся собственной супругой. Не дожидаясь перерождения покойной, он проделал с ней все необходимые обряды, а затем, рыдая, отпевал усопшую.

Теперь борьба с вурдалаками определила смысл жизни отца Никодима. Можно только поразиться его рвению и неистовой отваге. Он принялся вскрывать могилы, благо кладбище располагалось около храма. В большинстве из них лежали румяные упыри с окровавленными губами.

Отец Никодим методично заколачивал в них осиновые колья и отрубал им головы. Из райцентра он выписал семена чеснока, которым густо засеял кладбище. Теперь уже жители деревни не ходили в церковь, а при встрече на улице села стремились побыстрее перейти на другую сторону. Однако же священник не отчаивался. Он полагал, что пока человек не умер, он ещё не упырь, а следовательно, о нём следует молиться. Именно это и делал отец Никодим, отправляя все церковные службы, моля Господа о помощи его пастве.

Но очевидно, молиться ему следовало о себе. По ночам его дом стали осаждать волки. Они собирались около полуночи, окружали жилище священника и выли до самого рассвета. Потом они убегали, чтобы вернуться после заката солнца. Тут в душу отца Никодима стали закрадываться сомнения. На кладбище не осталось ни одной «не обработанной» им могилы. Дома жителей все были им окроплены святой водой, но странная нечисть продолжала буянить в Болотове. Обнаглевшие волки ломались в окна его дома, а обедни по-прежнему служились в пустом храме.

Укрепляла священника лишь вера, да ещё ощущение собственной защищённости от зла: ведь до сих пор он ни разу не подвергся нападению вурдалаков, хотя иногда во сне ему мерещилось, что кто-то бродит по его дому. После таких ночей он старательно рассматривал себя в зеркале, но ни разу не обнаружил ни малейших следов укусов. Да и здоровье его было как никогда отменным.

Наступило лето. Отец Никодим решил отдохнуть от трудов праведных, а заодно пообщаться с сыном. Он купил путёвку на курорт, испросив разрешения у владыки, забрал сына из интерната, на одни только сутки заехав с ним в Болотово. Тут-то и произошло самое страшное. Зная, что вытворяют по ночам волки, священник решил не спать, охраняя ребёнка от всевозможных потрясений. Он сидел возле постели сына, бормоча молитвы, в душе умиляясь спокойному сну малыша, мирно сопевшего под нескончаемый вой волков.

Как случилось, что он задремал, отец Никодим объяснить не мог, хотя воспоминание об этом приводило его в состояние умопомешательства.

Словно какой-то дурман накатился на него, а когда схлынул, священник увидел матушку, припавшую к изголовью сына. Отец Никодим осенил вампира крестным знаменем: страшно исказилось окровавленное лицо вурдалака, безумно завопила попадья, тут же радостно отозвались на её крик волки за окном.

Затем она исчезла, оставив в кровати безжизненное тело так и не проснувшегося ребёнка. Несчастный священник впал в смятение. Он проклинал себя за минуту слабости, но не мог понять, как проник в дом упырь, как смогла подняться из могилы попадья, если он сам вбил ей в сердце осиновый кол и отрезал голову.

Нечеловеческим усилием воли он заставил себя приготовить в последний путь любимого сына. Хотя явление попадья сильно поколебало его веру в народные способы борьбы с упырями, опасаясь за душу ребенка, он всё-таки совершил над ним чудовищный обряд.

После этого он запер дом, уехал в Москву и запил. Как он прожил год, отец Никодим не помнил. Он ночевал на вокзалах или у случайных собутельников. Подрабатывал, разгружая ящики у ларьков, собирал винную посуду, иногда побирался. Даже книга Иова не могла вывести его из состояния отупения, в которое он впал, потеряв сына, а вместе с ним и веру.

Глава III. Решение

Облегчив душу рассказом или же заглушив боль водкой, мой приятель уснул, а я, раскурив трубку, принялся обдумывать услышанное. В повести отца Никодима многое для меня показалось странным. Самым загадочным представлялось мне явление попады. В отличие от спившегося батюшки, я ни на секунду не сомневался в эффективности осинового кола и отрезания головы вурдалаку. Однако же это не остановило попадю. Что-то здесь не сходилось.

Я легко объяснил для себя неуязвимость самого отца Никодима. Даже теперь, полностью опустившись, он не пропил большого серебряного креста, висевшего на его груди. Именно этот старинный крест, скорее всего, оборонял священника в Болотове. Судя по всему, сохранялась какая-то лазейка в доме священника, через которую проникали вампиры. Нелепо ждать очищения села, если в нём жили фельдшеры, не отражавшиеся в зеркалах, если в нём царила *mors immortalis*³. Всё это казалось мне понятным и, несмотря на всю трагичность, даже занимательным. Но вот неуязвимость попады я объяснить себе никак не мог.

В конце концов, я пришёл к заключению, что отец Никодим видел призрак жены, явившейся к ребёнку уже после того, как тот стал жертвой какого-то другого вампира, проникшего в дом через оставленную попом лазейку. Успокоив себя этой версией, я тоже уснул.

Утром я обнаружил отца Никодима опохмелившимся моим коньяком, угрюмым, но деловитым. Помявшись, он попросил одолжить ему денег.

– Не на водку прошу, – мрачно объяснил он. – В Болотово ехать надо. Согрешил я вчера.

– И не только вчера, – саркастически заметил я.

– Вчера, – упрямо повторил мой гость. – Спьяну рассказал про свою невзгоду двум студентам в пивной. Они приставали ко мне с расспросами о Болотове.

– Ну и что? – равнодушно поторопил я неугомонного рассказчика, размышляя, отпустить ли его из дома в столь невменяемом состоянии.

– А то, что ключи я им от дома дал и дорогу объяснил. Им, видишь ли, в фольклорную экспедицию ехать надо. Заедят их там упыри.

– Ну, ты даёшь, батюшка! – присвистнул я, намазывая хлеб маслом. – Как же тебя так угораздило?

– Выпить очень хотелось. Да и не поверил я вначале, что они серьёзно туда наострились.

– Может, они и не поедут, – попытался успокоить я разволновавшегося однокашника.

– А если поедут? Мало на мне загубленных душ? Ещё этих добавить?

– Ладно, – согласился я. – А сам-то как ты в дом попадёшь, если ключи отдал?

– У меня дубликат есть, – сознался отец Никодим.

Посмотрев ему в глаза, я понял, что в силу неведомых мне причин, в нём пробудилась прежняя неукротимость духа, раз он не на шутку обеспокоен судьбой каких-то двух молоко-сосов.

– Стало быть, так, – сказал я ему, подумав немного. – Денег я тебе дам, но при одном условии. В Болотово ты не поедешь. Тебе в твоём состоянии там делать нечего. Ключи отдашь мне. Я сам туда прокачусь. Отдохну немного от дел столичных, а заодно разберусь с твоими вампирами. Поверь, отче, я в этих делах получше тебя разбираюсь. Ты же пока поживёшь здесь, придёшь в норму, обретёшь человеческий облик, а когда я вернусь, мы подумаем, как тебе жить дальше.

– Ты что, в отпуске, что ли? – поинтересовался он с сомнением, и я понял, что он решил, будто ему просто морочат голову.

³ Бессмертная смерть (лат.)

– Видишь ли, отче, моя работа зависит только от меня, – объяснил я. – Хочу – работаю, хочу – отдыхаю. А доходы позволяют мне вести такой образ жизни. Я, говоря современным языком, человек состоятельный.

– Вот и заедят тебя упыри, состоятельного, – наставительно пообещал он.

– Меня-то они не заедят, – усмехнулся я. – Говорю же тебе, что разбираюсь в них получше тебя, алкоголик несчастный. Если кто из нас сможет с ними сладить, так это я. Так что давай мне ключи, а сам обустраивайся здесь до моего возвращения. Мне ещё на дачу надо съездить, подготовиться как следует. Ты не волнуйся, я поеду на машине, так что студентов твоих успею встретить на месте, если только они в самом деле решатся посетить Болотово.

Поспорив ещё немного и рассказав о себе кое-что отцу Никодиму, я сумел уговорить священника принять моё предложение. Он получил от меня деньги, а я забрал ключи, торопясь в свою загородную резиденцию.

Глава IV. Команда

Я давно заметил, что вождение автомобиля весьма способствует философским размышлениям и систематизации информации. Подъезжая к даче, я уже ясно представлял себе последовательность дальнейших действий.

Во-первых, я поздоровался со своими домочадцами, о которых расскажу несколько позже. Во-вторых, напился крепкого душистого чаю с крендельками, заботливо приготовленными домоправительницей Дашей. В-третьих, я выдал задание Фёдору, управляющему моим загородным имением. Хотя молчаливый и сдержанный Фёдор за пять лет добровольной службы научился ничему не удивляться, полученные распоряжения вызвали у него лёгкое беспокойство.

– Опасно? – только и посмел спросить он.

Здесь следует уточнить, что Фёдор возложил на себя хлопотливую и, увы, неблагодарную обязанность быть моим телохранителем. Для меня же его рвение чаще всего оказывалось досадной помехой, хотя несколько раз он всё же оказывался в нужном месте, когда моя жизнь висела на волоске.

– Если ты всё сделаешь, как я тебя просил, для меня опасности не предвидится, – вежливо ответил я.

– А для кого предвидится?

– Для всех, кто окажется рядом со мной.

– Один поедете? – Фёдор со скрытой надеждой заглянул мне в глаза.

– Нет. Но тебя с собой не возьму. Поедут Патрик, Корвин и сэръ Галахад.

– Господи помилуй! Скотиной рисковать? – Фёдор позволил себе усомниться в моих решениях, что свидетельствовало о крайней степени его взволнованности.

– Видишь ли, Фёдор, я, действительно, вынужден подвергнуть их нешуточной опасности. Но не потому, что считаю их жизни менее ценными, чем жизни людей. Ты же знаешь, что я не слишком люблю человечество. Просто они могут мне помочь, а ты нет. Я беру с собой команду, в которой каждый знает, что ему делать. Извини, но учить тебя у меня нет времени. Единственное, чем я могу тебя успокоить, мне предстоит иметь дело не с людьми.

– Понятно! – покачал головой Фёдор. Конечно же, ему всё было непонятно, но объяснения мои во всяком случае избавляли его от необходимости проявить настойчивость.

После того как Фёдор удалился, я со спокойной совестью завалился спать.

Проснувшись, я уселся в кресле с телефоном и, пока Даша накрывала обеденный стол, обзвонил нескольких крупных чиновников. Экспедиция предстояла непростая, поэтому я решил заранее обеспокоиться возможными последствиями. Шуточное ли дело! Ведь если сведения отца Никодима окажутся точными, после моего посещения Болотову предстояло вымереть.

Впрочем, я достаточно хорошо знал, на какие кнопки следует нажать и какие силы привести в действие, чтобы не опасаться ничего, кроме, конечно, упырей. Многочисленные услуги, в разное время оказанные мною представителям власти, создали мне соответствующую репутацию, но что гораздо важнее, дали мне привилегии почти что Джеймса Бонда, у которого, между прочим, имелось право на свободное убийство.

Даша, поставленная мужем в известность об отъезде хозяина, расстаралась вовсю, закатив мне пир, достойный Лукулла. Вообще, эта пара, допущенная мною в дом, приобретенный для уединения, оказалась совершенно незаменимой. Они сразу и безоговорочно приняли все мои причуды. Какая-то редкостная природная чуткость помогала им оставаться незаметными во время приступов моего раздражения и мгновенно появляться, едва лишь у меня появлялась потребность в их помощи.

Я мог надолго исчезнуть, твёрдо зная, что моя многочисленная домашняя скотина будет накормлена и ухожена. Вернувшись после недельного отсутствия, я находил свой кабинет идеально чистым, но ни одна бумажка на столе не оказывалась сдвинутой ни на сантиметр.

За всё время, пока Фёдор жил в усадьбе, ни один из моих автомобилей не сломался в поездках, ни одно из заказанных ему приспособлений, сама конструкция которых повергла бы любого инженера в ужас, ни разу мною не отвергалась. Проще говоря, эта замечательная пара в какой-то мере примиряла меня с остальным человечеством, оправдывая само его существование.

К вечеру моя экипировка успешно завершилась. Фёдор продемонстрировал изготовленные им средства защиты, которые получили полное одобрение. Затем он уложил в футляр винчестер. Тут он на мгновение замялся, зная, сколь придирчив я при выборе пистолета. Я улыбнулся, попросив достать «магнум». У этого револьвера, на мой взгляд, есть и необходимая убойная сила, и дальность стрельбы, позволяющая держать на приличном расстоянии опасных при близком контакте противников. Довершали вооружение специально подготовленный мощный арбалет с коробкой тщательно выточенных стрел, а ещё – выбранный мною старинный кинжал с магическими заклинаниями на обоюдоостром лезвии.

Баулы с одеждой вместе со спальным мешком уже находились в лендровере. Туда же поместили коробки с едой, собранные заботливой рукой Даши. Запасные канистры с горючим Фёдор надёжно принайтовал в багажнике. Всё было готово к отъезду. Распахнув дверцу автомобиля, я пригласил в него отобранных для экспедиции соратников: огромного ирландского волкодава Патрика, ворона по имени Корвин и сэра Галахада, мудрого кота, чьё магическое чутьё не раз приводило меня в замешательство, но помогало в решении сложнейших задач.

Я люблю ночную жизнь, поэтому не нахожу ничего странного в том, чтобы выезжать в дальние поездки поздним вечером. Может быть, это тоже проявление присущей мне мизантропии, заставляющей меня недолюбливать автомобилистов, как и всех остальных людей, хотя возможно, истинной причиной всё же следует считать общую для нас нелюбовь к пробкам.

При выезде из Москвы, через которую мне пришлось проехать, я остановился у поста ГАИ, где продемонстрировал заранее припасённый документик. После этого я мог не опасаться, что меня тормознут за превышение скорости или для докучливого досмотра. Удивлённый и почтительный взгляд инспектора вполне удовлетворил меня. Теперь на всём пути мне будет открыта «зелёная улица». Я вырвался «на оперативный простор» и помчался навстречу неизбежным неожиданностям, появляющимся, когда ищешь *magnum ignotum*⁴.

Прежде чем направиться на свидание с вурдалаками, я завернул в райцентр, где провёл почти целый день, посещая многочисленных представителей местной администрации. Кого-то уже успели предупредить о моём появлении по телефону, кто-то впал в полуобморочное состояние, лицезрея мои бумаги с солидными печатями и испытывая при этом комплекс Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского. Лишь глава местной епархии долго расспрашивал меня о печальной судьбе отца Никодима. Но с мудрым и спокойным священнослужителем мне удалось установить полное взаимопонимание.

Подготовительная работа на этом закончилась. Следовало браться за дело, поэтому, отказавшись от отдыха в местной гостинице, я вновь сел за руль.

⁴ Великое неизвестное (лат.)

Глава V. Рекогносцировка

В Болотово я приехал рано утром, предусмотрительно переночевав в лендровере, который остановил в сорока километрах от села. В воздухе ещё ощущалась ночная сырость, под ногами стелился лёгкий туман от распаренной восходящим солнцем земли. Не желая раньше времени привлекать к себе внимание, я сделал небольшой крюк по бездорожью, вырулив прямо к стоявшей на окраине села скромной церквушке, по одну сторону от которой уходили к горизонту кресты сельского кладбища, а по другую сторону стояла скромная деревенская изба, в коей недавно разыгралась трагедия отца Никодима.

Постояв у двери и поглазев на запylённые окна, я достал ключ, которым отомкнул большой висячий замок. Дверь распахнулась с ужасающим скрипом, выражая явный протест по поводу длительного отсутствия постояльцев, способных смазать её заржавевшие петли.

Право первым исследовать жилище сельских священников я предоставил сэру Галахаду, который, на миг застыв на пороге с поднятой лапой, затем бесшумно скользнул в прохладный полумрак сеней. Тем временем Корвин примостился на ветке росшей у крыльца берёзы и неодобрительно хрюкнул. Лишь Патрик покорно продолжал охранять покинутый остальными автомобиль, позволив себе лишь высунуть морду в открытое окно.

Я внимательно прислушивался, пытаюсь определить, что же происходит в доме. Но ни единого звука не доносилось из полуоткрытой двери. Наконец, придя к выводу, что разведка не обнаружила ничего опасного, я переступил порог, следуя за своим котом.

Сени оказались пустыми. Лишь лавка с вёдрами да покрытый выцветшей клеёнкой стол с глиняной крынкой напоминали о том, что здесь когда-то жили люди. Дверь в комнату была приоткрыта. Это сразу же объяснило мне отсутствие каких-либо сигналов со стороны сэра Галахада, в настоящее время наверняка занимавшегося исследованием жилых помещений внутри дома.

Я распахнул дверь, и прямо передо мной предстала во всей красе огромная русская печь, чисто выбеленная известкой. Я находился в типичной деревенской горнице с некрашеными, но чисто выскобленными полами, с простой деревенской мебелью: столом, несколькими табуретками и пузатым большим шкафом. Лишь обилие икон в Красном куте, да специфический запах воска с ладаном указывали на то, что здесь жили глубоко верующие люди.

Первым делом я долил масла, чтобы затеплить лампаду перед иконой Богородицы. Затем ещё раз огляделся. На столе лежала скатерть, на окнах висели занавески, лишь цветы в горшках безнадежно высохли, и на всём лежал слой пыли. Справа я увидел ещё одну дверь. За ней находился «кабинет» отца Никодима. Здесь стоял письменный стол со старинным бронзовым прибором, медным распятием и двумя подсвечниками. В книжном шкафу аккуратно разместились книги, а в сундуке, очевидно, помещалось облачение батюшки. В углу висела икона святого Никодима, а на подоконнике сидел сэр Галахад, приюхивающийся к оставленной эмалированной кружке.

Увидев меня, он немедленно спрыгнул на пол и подвёл к закрытой двери, за которой скрывалось ещё одно помещение. Эта дверь оказалась запертой, но в замочной скважине торчал ключ, который я решительно повернул, в результате чего мы с сэром Галахадом получили возможность проникнуть в спальню. Комната показалась мне тесноватой. В ней разместились огромная кровать с пуховой периной и подзором, упирающийся в потолок массивный шкаф, детская кроватка с полосатым матрасом, два сундука, да современное трюмо.

Хотя спальня единственная сохраняла жилой вид, но я сразу же решил, что не проведу в ней без особой надобности ни единой ночи. Всё в ней противоречило моим собственным вкусам и привычкам. Похоже, сэр Галахад разделял моё предубеждение. Он даже не попытался

прыгнуть на одну из кроватей, а нервное помахивание пушистого хвоста выражало откровенное неодобрение места, где недавно обреталось семейство моего однокашника.

В движениях сэра Галахада мне почудилась несвойственная ему нервозность. Чуткое животное ощущало какую-то угрозу, *odor mortis*⁵, но не могло понять ни её источника, ни местонахождения. Я тоже пребывал в некотором недоумении. Беглый осмотр не мог служить основанием для окончательных выводов, но у меня сложилась определённая уверенность в том, что отец Никодим постарался сделать всё возможное для защиты своего дома. На запорах окон висели кресты. Более того, он старательно выцарапал кресты на каждом из оконных стёкол. В рамы и дверные косяки батюшка воткнул булавки. Между оконными рамами лежали цветы вперемежку с ягодами шиповника... Но тем не менее упыри слишком свободно и вольготно чувствовали себя именно в этом доме, ни разу не появившись в своём облики в храме.

В глубине души я надеялся, что приехав в Болотово, без труда обнаружу лазейку, которой пользовались вампиры для проникновения в дом батюшки. Увы! Ни моя наблюдательность, ни чутьё сэра Галахада пока не дали никаких результатов. Что ж, приходилось отложить решение этой задачи до лучших (если более внимательный осмотр укажет существенный изъян в защите дома) или худших (когда нечисть явится уже ко мне) времён.

Покинув спальню, я запер дверь на два оборота ключа, затем столь же старательно замкнул кабинет, обнаружив нужный ключ в связке, которую отдал мне отец Никодим. Приняв решение расположиться в парадной горнице, я нарисовал на полу магический круг, вписал в него пентаграмму, после чего притащил из лендровера спальный мешок и расположил его в центре пентаграммы. Судя по всему, это было верное решение. Во всяком случае, сэр Галахад (а он никогда не ошибался) одобрил его: победно подняв хвост и издав торжествующее мурлыканье, он прыгнул на спальник, где расположился, свернувшись колечком в самом центре пентаграммы.

Оставив его на этом посту, я пошёл выгружать из лендровера пожитки. Выходя, я обратил внимание на лестницу, ведущую из сеней на чердак. Однако мне не хотелось сразу же лезть вверх. Если бы опасность исходила оттуда, сэр Галахад начал бы разведку именно с этой части дома.

За краткое время моего пребывания внутри старого сруба солнце успело подсушить росу. От тумана не осталось и следа. Безоблачное небо сулило жаркий день. Сорвавшись с берёзы, Корвин совершил круг над самой моей головой, булькнув мне очередное приветствие, а затем вновь вернулся на облюбованную ветку. По тому, как он наклонял голову, как оглядывался по сторонам, я понял, что он не чувствует себя в этом месте достаточно спокойным. Только Патрик внешне оставался невозмутимым. Ему было жарко в раскалившемся автомобиле, но он позволил себе лишь вывалить из пасти язык и дышать с яростью средневековых кузнечных мехов.

Посмотрев на Патрика, я на мгновение усомнился в праве подвергать его риску. Этот огромный сильный зверь был самым уязвимым из нас. Его безудержная отвага и преданность хозяину могли оказать всем нам дурную услугу. Оставалось надеяться только на присущую Патрику дисциплинированность и на правильность выбранных мною для него средств защиты.

Первые, ещё достаточно неясные ощущения обладали одним несомненным свойством: место, куда мы попали, таило в себе опасность, а это означало, что защитой не следовало пренебрегать никому из нас. Поэтому я сразу же принялся разбирать привезённый с собой арсенал. Ящик с винчестером и арбалетом я перенёс в дом, а кобуру с магнумом повесил себе подмышку, не забыв набить карман патронами. Двери и окна я украсил небольшими наклейками с соответствующими магическими формулами: в глаза они не бросались, но ни один «натурализованный» вампир не смог бы преодолеть преграду.

⁵ запах смерти (лат.)

Следовало, правда, учитывать, что в Болотове продолжали жить упыри, не прошедшие «натурализации», то есть не перешагнувшие через границу клинической смерти и погребения. Днём они вели жизнь обычных людей, возможно, давая пропитание настоящим вурдалакам, а ночью могли превращаться в волколаков, что вытекало из странности поведения волков в Болотове и его окрестностях.

Эти жители Болотова могли ходить в церковь, могли игнорировать, находясь в человеческом облике, защитные средства поповского дома, однако ж опасными свойствами вампиров в таком состоянии они не обладали.

Впрочем, для них у меня имелись специально приготовленные небольшие сюрпризы. Ни одно существо не смогло бы без риска остаться серьёзно покалеченным открыть ящики с оружием или с привезённым инструментом. Запертый мною лендровер также имел коварные средства самозащиты. Наконец, на страже моих новых владений находились Патрик с Корвином. Громовой лай первого разносился в тихую погоду на несколько километров, а ворон обладал способностью доставить в несколько минут тревожное сообщение на гораздо большее расстояние.

Оба они были блистательно выдрессированы. Впрочем, это трудно назвать дрессировкой. С детства у меня обнаружилась удивительная способность устанавливать странный бессловесный контакт со зверями, причём не только с домашними животными. Я «чувствовал» их, а они – меня. Поэтому опыт «дедушки Дурова» и приёмы «театра зверей» остались невосребованными. Я просто всегда знал, с каким животным могу установить достаточный контакт, чтобы оно выполнило мою просьбу, именно просьбу, но не приказ.

Я особенно гордился тем, чего мне удалось добиться от Корвина. Ворон – дневная птица, ночью она чувствует себя очень неуверенно. Но юный воронёнок, несколько лет назад обративший на меня внимание в лесу под Переяславлем-Залесским и принявший предложение составить мне компанию, очень быстро приспособился к «совиному» ритму жизни. Ему хватало найти в меру затенённое, не слишком жаркое место, чтобы днём отоспаться настолько, насколько необходимо для полноценной ночной работы. Он овладел искусством ночной охоты, а потом по моему настоянию научился преследовать и бить летучих мышей, что делало его незаменимым в затеянной мной экспедиции.

Патрик являл собой полную противоположность самостоятельной, мудрой и осторожной птице. Он отличался прямолинейностью в любви и ненависти. Раз и навсегда обожествив мою персону, он почитал за счастье угодить мне, какой бы жертвы это от него ни потребовало. Иногда мне даже казалось, что в своём проявлении личной преданности он несколько увлекается мазохизмом: даже после длительного голодания он никогда не набрасывался на кормёжку, не предложив предварительно мне съесть всё без остатка, чтобы осчастливить его сверх всякой меры. Патрик обладал невероятной силой, не ведал страха, но ни разу не посмел нарушить мой приказ. Сейчас именно это качество могло сохранить его жизнь.

Ad notam⁶, раз уж я заговорил о членах команды, скажу и о сэре Галахаде. Честно говоря, в нашей компании он был главным. Этот пушистый полосатый кот обладал фантастической мудростью и невероятной чуткостью. Я прекрасно понимаю древних египтян, обожествлявших кошек.

Сэр Галахад никогда никому не подчинялся. Честно говоря, он принимал участие в моих предприятиях лишь потому, что опекал меня, понимая, что без его постоянного руководства я непременно попаду в беду. Он был изменчив, как Протей. Отвага средневекового рыцаря, когда он бросался в драку с опешившей от изумления немецкой овчаркой, которая посмела гавкнуть на его очередную подругу, сочеталась у него с иезуитским коварством и умением прикинуться слабой безобидной «киской». Возражений он не терпел, обид не прощал и тре-

⁶ К сведению (лат.)

бовал к себе почтительного отношения. Наконец, он прекрасно распорядился всей моей многочисленной домашней скотиной в моё отсутствие, мог быстро и доходчиво довести любое моё пожелание до сознания даже самой безмозглой курицы в хозяйстве Даши.

Именно присутствие сэра Галахада позволяло мне расположиться в поповском доме, несмотря на то, что не удалось обнаружить ход, по которому проникали туда вампиры. Магическое чутьё никогда не подводило кота, а уж побудить меня к действию он сумеет за считанные мгновения.

Осмотрев наскоро двор, я задумался над непростой проблемой: улечься ли мне спать или продолжить осмотр Болотова. Но эта проблема отпала сама собой.

Глава VI. Первый посетитель

За холмом послышалось тарахтенье мотоцикла, и вскоре к крыльцу подкатил мордастый младший лейтенант милиции в расстёгнутой до пупка форменной рубашке. Рост под два метра, широкие плечи и маленькие злые глазки придавали ему весьма угрожающий вид. *Puer robustus, sed malitiosus*⁷. Судя по всему, меня осчастливил визитом местный участковый инспектор, вразвалку двинувшийся мне навстречу.

Краем глаза я заметил выскользнувшего из дома сэра Галахада. Нервное подрагивание хвоста и на мгновение оскалившиеся клыки оповестили об отношении кота к посетителю. Я кивнул сэру Галахаду, уверив его, что сигнал опасности принят, после чего котяра развалился на солнце, всем своим видом изображая полнейшее равнодушие к происходящему.

– Участковый инспектор Мотрин, – представился милиционер, лихо вскинув руку к заломленной на затылок фуражке, – Зачем пожаловали в наш медвежий угол?

– Вот что, милейший, – лениво процедил я, изображая при этом крайнее неудовольствие его манерами, – нечего ваньку валять. Вам прекрасно известно, кто я, поскольку вас о моём приезде предупредили, наверняка оповестив также о том, что мне не следует задавать идиотских вопросов. Дабы покончить с формальностями, извольте принять к сведению, что я прибыл сюда на отдых.

На мгновение детина опешил, а потом злобно ткнул пальцем в болтающийся на моём боку «магнум».

– Это для отдыха?

– А вы, лейтенант, арестовывать меня приехали? – тут я столь же бесцеремонно ткнул пальцем в кобуру табельного «макарова».

От моего напора участковый явно растерялся. Его мозг оказался не приспособленным к совершению сложных мыслительных операций, да ещё в ускоренном режиме. Он мучительно повертел головой, облизал губы, почесал лоб и, наконец, выдавил:

– Волков здесь много, да и по службе мне положено...

– Будем считать, что вы сами ответили на поставленный вопрос, – безжалостно оборвал я с трудом начатую речь. – А по службе вам следует иметь опрятный вид и застёгнутую рубашку с галстуком.

Такого поворота беседы Мотрин не ожидал. Признавая полное поражение, он поторопился сменить тон.

– Да я что! – нараспев начал он, выдавливая из себя отвратительную своей фальшивостью улыбку. – Я просто хотел узнать, как наш батюшка поживает, когда он к нам вернуться думает.

– Отец Никодим поправляет на водах пошатнувшееся здоровье, – сухо проинформировал я милиционера. – О времени его возвращения в Болотово ничего сказать не могу – это будет решать врачебный консилиум и церковное начальство. Меня же батюшка просил приглядеть за его домом и храмом.

– А за нами тоже? – вдруг злобно ухмыльнулся Мотрин.

– За вами Бог приглядывает.

Я засунул руки в карманы и отвернулся, намекая милиционеру, что ему пора завершать свой визит. Но это толстокожее существо намёков не понимало. Он сделал очередную попытку продолжить разговор.

– Мне тут, видите ли, сообщили, чтобы я вам оказывал всяческое содействие, – заискивающе пробормотал он, – вот я и решил, что у вас есть определённое задание...

⁷ Малый крепкий, но злонравный (лат.)

– Если вам о нём не сообщило ваше начальство, то мне на сей предмет тем более распространяться не с руки. Однако же в случае возникновения внештатных ситуаций вам надлежит немедленно поставить меня в известность для получения оперативных распоряжений. Ясно?

– Так точно! – вытянулся участковый, окончательно подавленный перспективой оказаться в моём подчинении.

Он с тоской огляделся по сторонам, мучительно переживая крушение мира, ещё несколько минут назад казавшегося гармоничным и прекрасным. Впрочем, прекращать беседу он всё-таки не собирался. Увидев торчащую из окна лендовера морду Патрика, милиционер вновь слащаво улыбнулся.

– Хорошая какая собачка!

– Очень хорошая, – сухо согласился я. – Но держаться от неё следует подальше. Никаких фамильярностей этот пёс не допускает.

– Должен вас предупредить, – Мотрин постарался придать лицу выражение озабоченности, – что у нас в Болотове ни одна собака не выживает. Даже самых злобных волки задирают. Навалятся стаей – и конец пёсику.

– Неужто ж у вас тут ирландские волкодавы водились?

– Таких не было, – вынужденно признался Мотрин.

– То-то, любезный! Этому псу стаю волков на лоскутки пустить – обычное дело.

Участковый с сомнением покачал головой, но спорить не стал. Его глазки суетливо бегали из стороны в сторону, отмечая детали произошедших после моего приезда изменений на поповском подворье. Не заметив ничего тревожного, он заискивающе поинтересовался, на каких водах находится отец Никодим.

– На лечебных, – нелюбезно ответил я и встал, вновь намекая на необходимость оставить меня в покое.

Не придумав никакого нового повода для продолжения беседы, Мотрин со вздохом распрощался. Оседлав мотоцикл, он покинул поповский двор. Ядовитое злобное облачко из выхлопной трубы казённого мотоцикла медленно поднялось к ветке, где отдыхал Корвин, злобно выругавшийся после первого же глотка этой адской смеси. Я понял, что в оценке первого представителя населения Болотова моя команда проявила редкостное единодушие. Следовало, однако, признать, что визит участкового не сулил нам ничего хорошего. Я нимало не обольщался победой в словесной баталии. В Болотове нас ждали и подготовились поступить со мной сообразно обстоятельствам.

Обхамив участкового, я надеялся спровоцировать его на поспешные действия. Обида и злоба – плохие помощники в важных предприятиях, поэтому я стремился разозлить Мотрина. Удалось ли мне выбить его из равновесия, предстояло узнать лишь ночью, ибо днём, как известно, вампиры вместе с их присными никогда не проявляют излишней активности.

Не без основания предположив, что визит милиционера можно рассматривать как формальный вызов, я решил дождаться начала более решительных действий потенциальных противников. Пока же следовало заняться делами обыденными, но необходимыми. Я выпустил на свободу Патрика, после чего занялся приготовлением завтрака.

Накормив скотину и перекусив, я набил трубку, предаваясь размышлениям. Следовало совершить первый выход в свет, тем более, что скрывать своё пребывание в селе теперь не имело никакого смысла.

Глава VII. Храм

Странное дело, Болотово выглядело вымершим, почти заброшенным. Ни один человек не выглянул из окошка, ни одна собака не тявкнула на меня из подворотни, пока я медленно проходил по единственной улице села, разделявшей его на два ряда убогих подворьев. Отсутствие собак и кошек не удивило меня: я помнил зловещее предупреждение Мотрина об агрессивности местных волков, но полное отсутствие хоть какой-нибудь живности производило угнетающее впечатление. Мне трудно представить себе село без кур, уток, коз и прочей домашней твари, безмятежно бродящей в поисках пропитания. Это место мне не нравилось, но я нравился ему ещё меньше. Казалось, сам воздух Болотова был соткан из скрытой враждебности к моей особе.

Большинство изб села казались давно покинутыми и заброшенными, о чём недвусмысленно свидетельствовали заколоченные досками ставни, прохудившиеся крыши и заросли буйного сорняка, заполонившего бесхозные подворья. Однако несколько домов сохраняли жилой вид, а болтавшиеся на верёвках предметы крестьянской одежды и оставленные у крыльца ведра указывали на присутствие обитателей, ни один из которых не показался мне, пока я медленно проходил по селу и возвращался обратно. Рекогносцировка не принесла мне новой информации, но несколько испортила настроение.

Возвратившись к поповскому дому, я не стал задерживаться. Обойдя его, по вымощенной камнем дорожке я поднялся к сельскому храму, стоявшему на небольшом холме чуть выше моей временной резиденции. С архитектурной точки зрения здание не представляло особенного интереса: моему взору предстала типичная кладбищенская церковь в стиле позднего классицизма с пристроенной рядом тяжёлой приземистой колокольной, чья грубоватая простота дисгармонировала с аляповатостью основного здания. Жёлтая краска строений местами облупилась, а фальшивая позолота купола и крестов потускнела. Отпечаток заброшенности и неухоженности ощущался здесь не менее сильно, чем на улице Болотова.

Моё внимание привлёк небольшой домик, за стенами которого начиналось кладбище. Этот каменный дом, очевидно, первоначально предназначался для священников храма, но они по неведомым мне причинам предпочли жить в избе на окраине села, оставив это строение для хозяйственных нужд церкви.

Достав из кармана связку ключей, я долго подбирал подходящий, а потом возился с ржавым замком. Наконец замок издал печальный, протестующий скрип, позволив мне проникнуть внутрь здания. В небольшой прихожей не имелось окон, поэтому входную дверь пришлось оставить открытой. С потолка свисал провод, в патроне блеснули остатки разбитой лампочки. Толстый слой пыли на дощатом полу и две закрытые двери.

Толкнув ногой ближайшую, я скривился от омерзительного скрипа, издаваемого её несмазанными петлями. В небольшой комнате, сквозь грязное окно которой с трудом пробивался солнечный свет, я увидел два прислонённых к стене гроба, несколько лопат с короткими черенками, удлинённых и изогнутых, мотыги, кирки, примитивный сварочный аппарат и некоторые другие предметы, явно указывавшие, что это помещение предназначалось для хранения утвари, необходимой могильщикам. Пол комнаты оказался густо усыпан головками чеснока, некоторые из которых были раздавлены. Чесночный запах, пропитавший, казалось, даже стены небольшой комнаты, моментально отозвался в левом виске нудной болью, предвещавшей острый приступ мигрени: эту аллергическую реакцию на чеснок я хорошо знал с раннего детства. Поспешно закрыв за собой дверь, я вышел в прихожую.

Вторая комната оказалась запертой. Мне вновь пришлось возиться с ключами. Но победа над замком не принесла мне облегчения. Хотя помещение выглядело гораздо просторнее комнаты могильщиков, чесночный запах здесь ощущался ещё более сильно, поскольку у самой

двери стояла бочка, доверху наполненная сухими луковицами, которые также в связках свисали со стен, а ещё ровным слоем устлала матрас стоявшей у окна железной кровати.

Прямо на полу лежало несколько подшивок «Вестника Московской Патриархии» рядом с пустыми бутылками из-под церковного «Кагора», подрясник, да пара мужских туфель со стоптанными каблуками.

Я поспешил покинуть дом, чтобы на досуге поразмыслить, почему место, явно недоступное посещениям упырей, не использовалось отцом Никодимом для проживания.

Слегка отдышавшись и переждав, пока головная боль из острой не превратилась в ноющую, я направился к храму. Поднимаясь по его ступеням, я вдруг ощутил на себе чей-то очень внимательный взгляд. Не торопясь открывать дверь в церковь, я внимательно огляделся. Осмотр ничего не дал, кроме точной уверенности, что кто-то держал меня под наблюдением, хотя местоположение наблюдавшего мне так и не удалось обнаружить. Впрочем, моя невнимательность прекрасно объяснялась навязчивой головной болью, неизбежным следствием общения с чесноком.

Решив, что рано или поздно наблюдатель появится передо мной, я решительно вошёл в церковь. Внутри оказалось сравнительно чисто и уютно. Это был дом Бога: даже пыль, неизбежное следствие долгого отсутствия прихожан, не могла осквернить его. Заметив на конторке у входа пучок свечей, я разорвал связывающую его тесёмку, чтобы взяв несколько штук, запалить их перед храмовой иконой Рождества Богородицы.

Проходя по церкви, я вглядывался в лики святых и чувствовал, что храм оставался единственным чистым, благостным местом среди сгущавшихся вокруг проявлений злобы и ненависти. Действительно, священников Болотова следовало считать подвижниками. Но их жертва пока оставалась для меня загадкой. Ведь я приехал сюда завершить умирание Болотова. Не имело смысла оправдание, связанное с тем, что село следовало освободить от владычества упырей. Иных здесь не имелось, а значит, не имелось потенциальных прихожан, для которых предназначался храм. *Quod non est paululum disere*⁸.

Вздыхнув, я вышел на паперть, спустился к кладбищу. Его заброшенные могилы грозно очертились стрелками чеснока, который бурно разросся, потеснив крапиву и чертополох. Отец Никодим даже здесь проявил свойственные ему упорство и основательность. Кладбище казалось небольшим, поэтому я довольно быстро убедился, что на нём не осталось ни одного холмика, не проверенного бдительным священником. Не было нужды приводить сюда лошадь, чтобы убедиться в отсутствии угрозы.

Но это открытие вовсе не обрадовало меня. Вампиры продолжали править бал в Болотове, а значит, у них имелось дневное убежище. Его следовало разыскать как можно быстрее, иначе все мои хитроумные планы окажутся пустой тратой времени.

Заметив у одной из могил чудом сохранившуюся металлическую скамеечку, я присел на неё и задумался. Беглое знакомство с именами покоящихся здесь не давало даже намёка на мучивший меня вопрос: а откуда вообще появились в Болотове вампиры? Ну, не купец же третьей гильдии Иван Иванович Дурнев, почивший в 1907 году (самая древняя из обнаруженных мною могильных плит), мог оказаться их прародителем? Кто и когда занёс эту заразу в Болотово, почему другие сёла района оказались ей неподвластны? Что остановило распространение вампиризма? *Est dolendi modus, non est timendi*⁹

Вопросов я себе задал предостаточно, но не нашёл не только ответов, но даже мало-мальски правдоподобных догадок. Я ввязался в скверное приключение, и скверность его заключалась в том, что я пока не представлял себе, как можно разрешить задачку, с которой не справился подвижник-священник. Он всё делал правильно, последовательно, не оставив упырям

⁸ А этим немало сказано (лат.)

⁹ Есть предел для печали, но его нет для тревоги (лат.)

ни одной лазейки, а вот, поди ж ты! Вампиры добрались до его собственного сына. Приходилось признать, что мои предположения о неаккуратности или непосвящённости местных борцов с вурдалаками были продиктованы непростительной самонадеянностью.

Слабый шорох за спиной заставил меня обернуться. Никого я не заметил, но взлетевшие в небо вороны указывали на чьё-то присутствие рядом. Следовало возвращаться к храму, оставленному мною открытым. Вновь ощущая тяжёлый запах чеснока, я поднялся и поспешил к паперти.

То, что открылось взору, заставило меня остановиться в полном изумлении.

Глава VIII. Приятное знакомство

Перед распахнутыми дверями церкви стояла девушка, чей вид никак не соответствовал моим представлениям о туземцах Болотова. Она показалась мне весьма хорошенькой. Иссиня-чёрные волосы обрамляли миленькое личико с серыми глазами и пухлыми детскими губами. Сиявшая на этом лице улыбка выглядела абсолютно неотразимой благодаря двум восхитительным ямочкам на щеках. Изящная длинноногая фигурка была облачена в фирменные джинсы и блузку из «мокрого шёлка». Даже беглого взгляда на это создание мне хватило, чтобы убедиться в его не местном происхождении. Но что она делала в этом селе?

– Здравствуйте, – низкий грудной голос красавицы вывел меня из мгновенного оцепенения, – Вы – священник?

– О, нет, мадемуазель! – галантно отозвался я. – Я его чрезвычайный, но не полномочный представитель в этом приходе. В сан не посвящён, подрясником не жалован, в вере не крепок, хотя крещён и держусь православия.

– В церковь зайти можно? – поинтересовалась девушка.

– Сделайте любезность.

– Кому?

У юного создания имелся острый язычок. Тем лучше. Терпеть не могу людей с атрофированным чувством юмора.

Не дождавшись моего ответа на язвительный вопрос, девушка сдёрнула с шеи косынку, чтобы покрыть ею голову. Старательно убрав волосы, она вошла под своды храма. Сжигаемый любопытством, я последовал за ней, но вынужден был сразу же остановиться, поскольку, едва переступив порог, она опустилась на колени и истово перекрестилась. Затем она замерла, полностью отрешившись от всего, что находилось за её спиной (а там, между прочим, стоял я). Она молилась, а я ждал с идиотским видом, размышляя, следует ли мне пойти погулять или продолжать блюсти сохранность неосторожно открытого для посетителей храма.

Наконец она поднялась, взяла одну из оставленных мною свечей и поставила её перед небольшой иконой святого Владимира. Перекрестившись, она вышла, небрежно поинтересовавшись:

– Деньги за свечку вам отдать или в церкви оставить?

– Оставьте их себе, – сердито буркнул я, – отец Никодим расплатится.

Только теперь она соизволила почтить меня своим вниманием. Разглядывала она меня долго и неодобрительно.

– Кто вы такой? – наконец спросила она довольно бесцеремонно.

Вот тут-то моё терпение лопнуло.

– Послушайте, милочка, – начал я противным назидательным тоном, которому научился у одного древнего алкаша, бывшего когда-то надзирателем в женской гимназии, – вы дурно воспитаны. Я вам в отцы гожусь, а вы со мной разговариваете, как с приятелем на дискотеке. Я здесь, возможно, по служебной надобности, а вот вы являетесь невесть откуда и требуете у меня отчёта. По какому, собственно, праву, позвольте спросить?

В ответ на мой спич девица разразилась самым что ни на есть искренним смехом, а отсмеявшись, протянула мне узкую ладошку.

– Меня зовут Настя.

– Алексей.

– А по отчеству? – девушка лукаво улыбнулась, и её ямочки вновь вывели меня из равновесия.

– Вот оно, вечное напоминание о возрасте, о годах безвозвратно утраченной молодости и неотразимости, – запричитал я с тайной надеждой удержать на щеках ямочки как можно дольше.

Но она вдруг приняла крайне серьёзный вид.

– При чём здесь возраст? Я поинтересовалась вашим отчеством, поскольку вы здесь по «служебной надобности», а также, судя по всему, очень обидчивы.

Да, у Насти язычок оказался подвешенным просто замечательно.

– Алексей Станиславович, – чопорно представился я и даже попытался щёлкнуть каблуками кроссовок.

– Спрашивать о вашей «служебной надобности», конечно же, неуместно? – и она так же бесцеремонно, как Мотрин, ткнула пальчиком мне подмышку, где находилась кобура с «магнумом».

– Отчего же, отчего же, – залезбил я, одновременно запирая дверь, чтобы не дать возможности моей новой знакомой исчезнуть прежде, чем я справлюсь с замком, – я, извольте видеть, агент нескольких секретных служб и по поручению Интерпола расследую похищение подвязки герцогини Мантуанской из Сандуновских бань в Москве (очень запутанное дело)...

– Следы которого привели вас в Болотово, – тут ямочки опять появились на щеках Насти, и она от души расхохоталась. – А может быть, вы просто из новоявленных бизнесменов, которые шастают по медвежьим углам Святой Руси, собирая иконки, чтобы потом обменять их на «гнилом Западе» на «зелень»?

– Ах, от вас невозможно ничего скрыть: вы меня раскололи. Но я не просто коммивояжер, я – гангстер, крёстный отец Сандуновской мафии...

Но тут наш так замечательно развивавшийся диалог был прерван выскочившим из-за кустов Патриком, который подлетел, выражая беспредельную преданность и счастье от самого факта лицезрения моей особы. Настя мгновенно отшатнулась (вполне естественная реакция для человека, впервые увидевшего ирландского волкодава), глаза её округлились, а на смену улыбке пришло почти заискивающее выражение. Однако держалась она молодцом, тщательно стараясь не показывать охватившего её ужаса.

– Это ваш зверь? – наконец спросила она, и в её голосе прозвучали нотки искреннего восхищения.

– Да, это Патрик.

Настя сделала небольшой шагок навстречу серому чудовищу, с интересом разглядывавшему мою новую знакомую. Однако в его взгляде не отражалось ни дружелюбия, ни агрессивности. Он ждал моих указаний, в соответствии с которыми мог одинаково легко и лизнуть девушку в нос, и разорвать ей горло. Я же не спешил определить своё отношение к новой знакомой. В этом селе следовало соблюдать предельную осторожность, а интуиция Патрика вполне могла соперничать с зеркалами или чесноком. Пока же он, судя по всему, не чувствовал в Насте ничего сверхъестественного. И тогда я улыбнулся собеседнице, на что Патрик немедленно отреагировал столь энергичным размахиванием хвоста, что девушка вновь отшатнулась.

– Не бойтесь. Без моей команды он вас не тронет.

– Вообще-то я не боюсь собак, – в голосе Насти промелькнуло лёгкое сомнение, – но этот зверь внушает слишком сильное ... – на мгновение она замялась, – уважение, что ли...

Тут я расхохотался.

– Да! Он огромен, свиреп и безжалостен. Но в то же время он настолько предан мне, что позволит топтать себя ногами любому, кому я разрешу это делать.

– Значит, все его нежные чувства принадлежат безраздельно вам?

– Именно так.

– Это ваше воспитание?

– Каков хозяин, такова его собака.

– Вы мне сразу не слишком понравились, а теперь я, пожалуй, и вовсе разочаровалась в вас.

Мне почему-то показалось, что Настя фальшивит, поэтому я продолжил игру.

– Разочаровались? Но это значит, что очарование мною только что имело место, хотя бы в небольшой степени.

Девушка возмущённо фыркнула, по-видимому, собираясь резко отвернуться (а может быть, и уйти), но тут появилось ещё одно действующее лицо: на плечо мне спикировал Корвин. Это оказалось весьма кстати. Теперь любопытство Насти получило дополнительный импульс.

– Это тоже ваше? – с сомнением покачала она головой.

– Разумеется! Представься, невежа, даме! – я легонько толкнул птицу.

– Корвин! – хрюкнул ворон, отзываясь на мой сигнал.

– Что?

– Он говорит, что его зовут Корвин.

– Так он ещё разговаривает? – глаза Насти вновь округлились.

– Как и положено уважающим себя воронам. Однако делает это редко и далеко не с каждым.

Девушка вновь пожалала плечами, но заинтересованность в моей особе явно вернулась к ней. Я поспешил воспользоваться удобным моментом и, быстро заперев храм, жестом предложил Насте проследовать за мной к жилищу священника. Чуть-чуть поколебавшись, она приняла моё приглашение, но когда мы уже выходили на подворье, Корвин издал предостерегающий крик. Около лендровера стоял высокий худой мужик с угрюмым выражением лица. Увидев его, Настя смутилась.

– Где ты шлялась? – не обращая на меня ни малейшего внимания, зло выкрикнул абориген.

Прежде чем моя спутница успела среагировать на вопрос нового действующего лица, в дело вмешался Патрик. Возмущённый грубостью посетителя, а также бесцеремонностью, с которой тот посмел приблизиться к нашему автомобилю, пёс оскалил клыки и с приглушённым ворчанием рванулся к нарушителю охраняемого им пространства. Ненависть, промелькнувшая во взгляде мужика, сменилась ужасом, когда он осознал, что Патрик всерьёз примеривается к его горлу. Подняв вверх руки в отчаянной надежде защититься, он почти страдальчески всхлипнул:

– Уберите собаку!

– Стоит ли? – насмешливо поинтересовался я, но посмотрел не на него, а на Настю.

– Это мой дядя, Фрол Ипатьевич, – сердито пояснила моя спутница.

В интонациях её голоса я не уловил сильного желания освободить родственника от неприятных ощущений, поэтому ограничился лёгким предостережением Патрику.

– погоди-ка, дружище, дай нам сначала поговорить.

Пёс замедлил движение к жертве, перестал ворчать, но плотоядное выражение не исчезло с его морды, а лёгкое подёргивание губы над клыками недвусмысленно указывало на готовность к бою.

– Итак, этот хам – ваш родственник? – я по-прежнему обращался только к девушке.

– Да, – недовольно подтвердила она. – Он всё время забывает, что я не его дочь и давно достигла совершеннолетия.

Тут Фрол Ипатьевич решил вмешаться в наш диалог.

– А тебя-то как звать, горожанин?

– Во-первых, попрошу мне не тыкать, я с вами водки не пил. А во-вторых, это вам знать не обязательно. Потрудитесь покинуть двор и впредь держитесь подальше отсюда, не то Патрик вынужден будет преподать вам урок хороших манер. А ну, брысь отсюда!

Задыхаясь от сдерживаемого бешенства, Фрол Ипатьевич повернулся и почти бегом отправился восвояси.

– А вы не боитесь перессориться со всем селом? – поинтересовалась Настя, посмотрев на меня со смешанным выражением неодобрения и восхищения.

– Я не боюсь ни хулиганов, ни грубиянов, ни алкоголиков, ни вампиров...

При упоминании вампиров глаза Насти потемнели. Она прикусила нижнюю губу, отчего лицо её приняло задумчивое выражение.

– Ах, вот как, – нараспев произнесла она. – Значит, вам всё известно. Что ж, тогда послушайте меня. Уезжайте отсюда вместе с вашими животными. Уезжайте немедленно. Ничего хорошего вы здесь не добьётесь. Поверьте, я восхищаюсь вашей смелостью, но здесь она совершенно бесполезна. Поверьте мне, в Болотове вы не доживёте до утра, если только не заночуете в храме.

Произнося эту пламенную речь, Настя казалась искренне взволнованной.

– Неужели же вы всерьёз думаете, что я сейчас побегу собирать вещички? – насмешливо спросил я, но девушка не чувствовала склонности к шуткам.

– Перестаньте ёрничать, – сердито заявила она. – Вы не похожи на тупоголовых чиновников-материалистов. Надеюсь, что вам чужда также истерическая восторженность новоявленных оккультистов. Здесь действительно опасно. Неужели же даже печальный опыт болотовских священников вас не насторожил? А уж они-то имели защиту куда лучше вашей! Или вы думаете, что ваш огромный пёс сможет защитить вас? Или вам его не жалко? Поверьте, если вы немедленно не уедете, вы останетесь здесь навсегда.

Горячность девушки произвела на меня впечатление, но я не спешил с ней откровенничать. Я как раз слишком хорошо понимал, насколько опасно Болотово. Анастасия пока представляла собой не более чем ещё одну загадку, разрешить которую следовало как можно скорее. Её кажущаяся искренность совокупно с озабоченностью моей судьбой находились в разительном противоречии с самим фактом её пребывания в селе и её родственной связью с малосимпатичным Фролом Ипатьевичем. Поэтому я изобразил самую серьёзную задумчивость и изменил тон беседы.

– Вы напрасно упрекаете меня в легкомыслии. Однако сведения, полученные мною от отца Никодима, позволяют надеяться на благополучный исход моей миссии в этом селе. Я отнюдь не склонен пренебрегать вашими предостережениями, но искренни ли вы? Скажите открыто, что мне грозит в Болотове?

Настя пожала плечами, недовольно посмотрев в мою сторону.

– Болотово – мёртвое село, – произнесла она медленно после небольшой паузы, во время которой явно боролась с желанием повернуться и уйти. – Здесь нет ни одного нормального жителя: все здесь волколаки, находящиеся на службе у вампиров. Ночью они явятся к вам и разорвут вместе с вашим псом, причём ни собака, ни оружие ночью им не страшны. Вы же всё это знали, когда направлялись сюда. Приступ отваги или вы – экзорсист?

Я проигнорировал её вопрос.

– Пойдите, Настя! Допустим, всё действительно так. А вы? Как же здесь живёте вы? Следует ли мне понимать вас в том смысле, что передо мной юная волколачка? Или это вы – опытный экзорсист, которому не нужны неоперившиеся конкуренты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.